

ЗАВТРАК НА РУИНАХ

Майкл Муркок

Перевод
Виктора Беньковского

Глава 12

ВОСПОМИНАНИЯ О БЕРЛИНЕ: 1935: ПЫЛЬ

Вчера в Марселе был убит югославский король Александр. Господин Барту, министр иностранных дел Франции, прибывший в порт для встречи короля, также был убит.

Убийца прыгнул на капот автомашины, в которой ехали король, только что сошедший в Марселе на берег, а также господин Барту, генерал Жорж и адмирал Бертло. Вскочив на капот, убийца произвел серию выстрелов. Сопровождавшие короля и министра иностранных дел генерал и адмирал получили ранения. Убийца, предположительно хорват, застрелен охраной.

Король Александр направлялся в Париж. Ожидалось, что это будет поездка огромной политической значимости. Во время посещения Парижа король должен был попытаться при посредничестве Франции укрепить отношения между Югославией, союзницей Франции, и Италией. Отношения эти должны были, в свою очередь, способствовать сближению двух великих держав, Франции и Италии.

«Таймс», 10 октября 1934 года

Сегодня в своем первом публичном выступлении президент Рузвельт, признав наличие серьезной военной опасности, огласил тезисы нового политического курса Соединенных Штатов. В основу его положены, как сформулировал президент, «принципы невмешательства и свободы»...

Началось общее наступление итальянских армий из Эритреи. Сегодня на рассвете 20 тысяч человек четырьмя маршевыми колоннами пересекли реку Марэб, являющуюся границей Эфиопии. Впереди наступающих колонн шли легкие танки. Воздушное пространство над границей полностью контролировалось итальянской авиацией. Возможные ответные действия не ожидавшего нападения противника были предотвращены дальнбойной артиллерией. Уже сегодня итальянская авиация бомбила Адуа и Адди-Грат...

«Нью-Йорк Таймс» за 2 и 3 октября 1935 года

Итальянское правительство способно почти на любое предательство.

Адольф Гитлер, 9 августа 1943 года

ART ELECTRONICS 2005 (120) МИРАЖИ

2

ART ELECTRONICS 2005 (120) МИРАЖИ

Карл смотрит в затуманенные глаза друга.

— Ты очень бледный, — говорит он.

— Ну и что?

Карл вытирает губы.

— Это не твое дело, — говорит чернокожий. — Я бы выпил. А ты?

Чернокожий идет к столу с напитками.

— Тебе чего?

— Я не хочу напиваться. Лимонаду, наверное.

— Бокал вина?

— Подходит.

Карл принимает из рук приятеля бокал красного вина. Подносит к глазам и смотрит сквозь вино на луну.

— Мне хотелось бы помочь тебе, — говорит Карл.

— Не беспокойся об этом.

— Ну, как знаешь. — Карл присаживается на край кровати, покачивает ногами и попивает вино. — Ты считаешь, что у меня нет воображения?

— Я так не считаю. Но из твоего воображения ничего путного мне не сделать.

— Может быть, поэтому из меня не вышло художника?

— Воображение бывает разное.

— Да. Это забавная штука. Главная сила человека, и вместе с тем — его основная слабость. Воображение поначалу помогает выжить, но когда оно берет власть над тобой, то убивает. Как клыки мамонта, которые растут себе, растут, загибаясь, пока не упрутся мамонту в глаза. Мое мнение таково, что воображению в наши дни придается слишком большое значение.

— По-моему, ты несешь чушь, — говорит чернокожий. Он и в самом деле бледен. Наверное, все дело в лунном свете, думает Карл.

— Может быть, и чушь, — соглашается Карл.

— Воображение помогает человеку стать тем, чем он хочет быть. Воображение дает нам все, что делает нас людьми.

— И оно же рождает страхи, людоедов и бесов, уничтожающих нас. Беспочвенный ужас — это тоже плод воображения. И бессмысленная жестокость. У каких еще животных имеются страхи, подобные нашим?

Чернокожий пристально смотрит на Карла. На несколько мгновений глаза его словно загораются дьявольским огнем. Но, возможно, это просто игра лунного света.

Карлу семнадцать лет. Он — одуроченная жертва дуче. Бежал из Берлина и принял итальянское подданство, в результате чего угодил в армию. В эти дни в Европе невозможно выиграть на ипподроме жизни. Плохо. Больно...

Жарко.

— Значит, ты признаешь, что боишься? — спрашивает Карла его друг.

— Конечно. Во мне живет страх, во мне живет чувство вины, во мне живет чувство неудовлетворенности...

— Забудь свою вину и свои страхи, и ты будешь удовлетворен.

— А буду ли я при этом человеком?

— Так чего же ты, в конце концов, боишься?

Карлу семнадцать лет. Где его мать, он не знает. Где отец, тоже не знает. Дядя, итальянский подданный, усыновил его в 1934 году. Почти немедленно Карла призвали в армию. Он был безработным. В армию пошел под новой фамилией дяди — Джомбини, но все знали, что на самом деле он еврей.

Карл заподозрил, что, должно быть, их отправляют в Эфиопию, когда всем ребятам в бараках выдали тропическое обмундирование. Карл не один так считал. Почти все были уверены в этом.

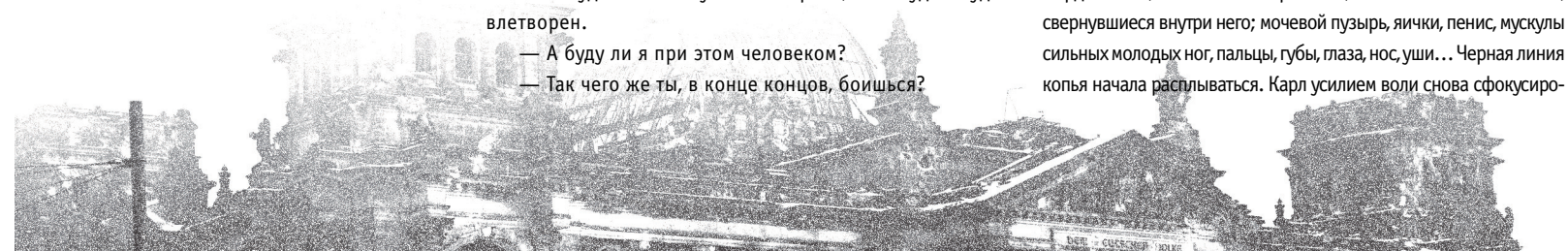
И вот теперь, после бесконечного плавания и бесконечных переходов, он здесь — лежит в пыли возле горячей глинобитной хижины в грязной дыре под названием Адуа. Вокруг слышны разрывы бомб, артиллерийская канонада, а он лежит. Винтовка исчезла, в желудке допотопное копые, тело наполнено болью, а голова — сожалениями. Мимо бегут его товарищи, очумело паля во все, что движется. Карл не пытается звать на помощь. Он знает, что за потерю винтовки — ее отнял одетый в белое бритый человек с коричневой кожей — ему не миновать наказания. Карл даже не успел никого убить.

Поначалу он ел себя поездом за то, что уехал из Берлина. Как бы то ни было, а жизнь его, в конце концов, могла в Германии сложиться иначе. Но после того, как был разгромлен их магазин, родители запаниковали и Карлу пришлось уехать. Живя в Риме, он так и не привык к итальянской пище. И теперь лежал и вспоминал берлинские рестораны, мечтая отведать нормальной еды прежде, чем покинуть сей мир. А еще Карл сожалел, что не удалось сделать карьеру в армии, хотя знал: любой парень с головой на плечах в военное время может шутя сделать себе отличную карьеру.

Неподалеку разорвалась бомба. Взрывная волна слегка пошевелила тело Карла. Пыль застлала все вокруг. Вопли, выстрелы, рев самолетов, визг осколков и бомб удалялись. От пыли страшно запершило в горле, и Карл прикладывал все силы, чтобы удержаться от кашля и не сделать и так невыносимую боль в животе совершенно безумной. Но, в конце концов, он закашлялся, и копые задрожало — резкая черная прямая линия на фоне пыли. Все остальное смутно проступало сквозь пыль; лишь копые хорошо было видно.

Карл лежал и смотрел на древко копья, заставляя глаза фокусироваться на нем. Больше он ни на что не был способен.

Вообще-то предполагается, что, когда вы умираете, уже не до построения планов на будущее. Но Карл чувствовал себя обманутым. Он вовремя убрался из Берлина. Если говорить честно, он правильно сделал. Все его друзья, оставшиеся там, сейчас, небось, в лагерях или посланы в какую-нибудь жуткую навозную кучу где-нибудь в северной Африке. Что ни говори, а Италия была все-таки не самым плохим выходом. Антисемитизм здесь не получил такого распространения, как в Германии. Те олухи, которых понесло в Америку или Британию, тоже в любой момент могут стать жертвами погромов. С другой стороны, были еще скандинавские страны. Может, стоило попытаться счастья в Швеции, где столько народу говорит по-немецки. Там бы он не чувствовал себя слишком уж чужим. Спазм боли скрутил Карла. Ощущение было такое, будто внутренности наматываются на огромную вилку. Никогда Карл не думал, что можно так ощущать собственные внутренности. Сейчас он буквально видел их все: легкие, сердце, разорванный желудок, ярды и ярды кишок, так похожих на розовые, зеленые и желтые сосиски, свернувшиеся внутри него; мочевой пузырь, яички, пенис, мускулы сильных молодых ног, пальцы, губы, глаза, нос, уши... Черная линия копья начала расплываться. Карл усилием воли снова сфокусиро-

вался на ней... Кровь, которая прекратила свое нормальное течение по венам и артериям и вместо этого толчками вырывается из раны в том месте, где древко вошло в живот, бездарно изливаясь в пыль. Останься он в Германии, ничего подобного не произошло бы. Надо было только пережить первое тяжелое время, и сейчас бы все проблемы уже утряслись. Гитлер оставил бы в покое евреев — он и его сподвижники неминуемо должны были сосредоточить все свое внимание на России. Там были коммунисты, главные враги. Где-то в паху, ниже вонзившегося копья, зародилась смешная легкая дрожь, будто мотылек пытался выбраться наружу, используя пах как взлетную площадку. Карл чувствовал, как мотылек щекочет лапками, бьет крылышками, пытается выбраться. Он даже приподнялся, чтобы увидеть мотылька, но тут же откинулся назад. Очень хотелось пить. Линия древка копья почти исчезла. Карл не стал больше фокусироваться на ней.

Звуки в отдалении, казалось, объединились и теперь звучали в сложном ритме, который странно гармонировал с биени-

— Ты мог бы стать всем, чем бы ты хотел быть.

Приятель покусывает Карла за плечо.

— Или ничем. Разве мог бы я стать женщиной и дать жизнь пяти ребятишкам? — Карл изворачивается и в ответ кусает чернокожего.

Тот подскакивает. Стремительное движение. На мгновение в полумраке Карлу кажется, что его друг женщина, белая женщина. А потом вдруг женщина превращается в какого-то зверя с оскаленными зубами. Чернокожий яростно сверкнул на него белками глаз.

— Никогда со мной больше такого не вытворай!

А Карл вытирает губы, поворачивается спиной к своему другу. Отлично. Как бы то ни было, а на вкус ты неплох.

ем сердца. Карл прислушался и узнал ритм, а затем и мелодию. Это была популярная американская песенка из фильма. Фильм Карл смотрел еще в Берлине. Приставучая песенка. Он напевал ее даже спустя шесть месяцев после того, как покинул Германию. Когда это было? Четыре года тому назад? А может быть, и раньше. Карл жалел, что ему так и не удалось трахнуть женщину. Вся проблема в том, что он всегда чувствовал отвращение к шлюхам. Уважающий себя человек не пойдет к шлюхам. Впрочем, сейчас Карл был согласен и на шлюху. Все-таки любопытно, на что это похоже. Одна вон в прошлом году на вокзале предлагала ему...

А фильм назывался «Нежная музыка», вспомнил вдруг он. Карл никак не мог запомнить все английские слова. В конце концов, там, где не помнил, он подставил немецкие и так напевал себе целый день под нос.

There's tavern in the town, in the town,
When atroola setzen dahn, setzen dahn,
Und der she sitzt on a luvaduvadee,
Und never never sinka see.
So fairdewell mein on tooday...*

Когда-то Карл мечтал стать великим оперным певцом. А еще он мечтал стать великим писателем. Талант и потенциал — это у него имелось, не вопрос. Вопрос был лишь в выборе. Он даже мог бы стать великим генералом.

Множество Карлов-состоявшихся шли перед ним в пыльной мгле.

А затем он умер.

КАК БЫ ВЫ ПОСТУПИЛИ (12)

Вы священник, и всецело преданы вере. Самая мысль о насилии для Вас непереносима. Вы — воплощенное миролюбие.

Однажды утром, нарезая хлеб в маленькой пристройке, примыкающей к церкви, Вы слышите крики и ругань, доносящиеся из самой церкви. Бежите туда. Хлебный нож по-прежнему в Ваших руках.

Вражеский солдат, один из тех оккупантов, что захватили Вашу страну, насилует девочку лет тринадцати. Сбил ее с ног и срывает одежду. Еще мгновение, и он войдет в нее. Она визжит, он рычит. Вы узнаете в девочке одну из прихожанок. Несомненно, она забежала в церковь, надеясь на Вашу помощь. Вы кричите, но солдат не обращает внимания. Умоляете его — бесполезно.

Если Вы сейчас зарежете солдата ножом, это спасет девочку от позора. Возможно, Вы даже спасете ее жизнь. Никто не видел, как этот солдат вошел в церковь, а спрятать тело не составит труда.

Если Вы просто собьете или стащите его с жертвы (предположим, что такое возможно) это, скорее всего, будет иметь ужасающие последствия для Вас, Вашей церкви и общины. В других городах подобное уже случилось. Но все-таки Вы хотите спасти девочку.

Как бы Вы поступили?

*К сведению читателя, эту песню исполняет, целиком на немецком языке, группа «Чингис-хан» — прим. перев.